

ценности”) едва ли можно считать адекватной передачей греческого τὰ μὴδὲ τοῦ παντὸς τιμώμενα (“то, чего не стоит весь мир”), хотя от этого и не меняется общий смысл фразы, состоящий в утверждении превосходства небесных благ над земными (с. 78–79). На с. 162–163 греческий пассаж βροντὴν ἐκεῖνο φαίην τὸ κήρυγμα, ἦν Θεὸς ὡς ἐφ’ ὑδάτων ἐβρόντησε, τῆς καθ’ ἡμᾶς ῥοώδους οὐσίας καὶ πλαδαράς передан как “cette proclamation je la comparerais volontiers au coup de tonnerre que Dieu a fait retentir sur les eaux, <image> de notre être labile et flasque”: на наш взгляд, добавление слова image в угловых скобках здесь излишне, поскольку в данном случае не воды выступают в качестве образа человеческого естества, а человеческое естество (над которым, по мнению панегириста, действительно прогремел голос патриарха!) сравнивается с водой.

Однако самым существенным недостатком книги представляется неудачное, на наш взгляд, полиграфическое оформление греческого текста. К сожалению, распространение компьютерного набора не способствовало сохранению лучших типографских традиций, которыми некогда славилось французское книгоиздание: использованный в книге греческий шрифт некрасив, а размещение надстрочных знаков над буквами оставляет желать много лучшего с эстетической точки зрения. Кроме того, серединная *бета*, использование которой в качестве обязательного контекстного варианта по сию пору остается характерной “визитной карточкой” французской традиции греческого набора, явно сделана “на коленке” и выделяется своей неуклюжей формой на фоне окружающих ее букв. Об этом обстоятельстве можно лишь пожалеть, поскольку к данному изданию наверняка придется обращаться не одному поколению будущих исследователей.

А.М. Крюков

СОЗДАНИЕ САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ: ДВЕ НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Иеротопия. Т. 1: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред. А.М. Лидов. М.: “Индрик”, 2006. 763 с.

Иеротопия. Т. 2: Сравнительные исследования сакральных пространств / Ред. А.М. Лидов. М.: “Индрик”, 2009. 383 с.

Двухтомный сборник отечественных и зарубежных исследований посвящен разработке различных аспектов создания сакральных пространств в средневековых культурах. Книги представляют собой две части одного масштабного проекта, строящегося вокруг идеи иеротопии, которая формулируется в последние годы А.М. Лидовым. Ядром обсуждаемых томов явились материалы Международного симпозиума “Иеротопия”, инициированного А.М. Лидовым и проведенного Центром восточнохристианской культуры и Государственной Третьяковской галереей в июне 2004 г.¹ Помимо докладов, прозвучавших на симпозиуме, в сборник вошли и специально подготовленные для него статьи.

Идея иеротопии, вызвавшая живой интерес как в нашей стране, так и за рубежом, была, в частности, обсуждена и апробирована на XXI Международном конгрессе византийских исследований в Лондоне (август 2006 г.) в рамках секции “Сакральное пространство”. В обсуждении помимо самого А.М. Лидова в качестве докладчиков участвовали известные исследователи Слободан Чурчич, Роберт Нель-

¹ Иеротопия. Исследование сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2004.

сон, Глен Пирс, Николетта Исар и Беатрис Казо, давшие положительную оценку креативным потенциам иеротопии как исследовательского инструмента.

Как представляется, было бы не лишним сформулировать еще раз, что А.М. Лидов подразумевает под предложенным им термином “иеротопия” (составлено из греческих понятий *иерос* – “священный” и *топос* – “место”). Термин этот новый и нуждается в некотором осмыслении. Поэтому настоящий обзор будет посвящен почти исключительно прояснению взглядов самого вдохновителя этой идеи.

Концепция иеротопии развивается А.М. Лидовым в нескольких текстах обсуждаемого сборника: в вводной статье к первому тому “Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования” (т. 1, с. 9–31), в вводной статье ко второму тому “Сравнительная иеротопия” (т. 2, с. 5–11), а также в двух частных исследованиях – “Пространственные иконы. Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской” (т. 1, с. 325–348) и «Святой Лик – Святое Письмо – Святые Врата: образ-парадигма “благоденственного града в христианской иеротопии”» (т. 2, с. 110–128). Если вводные статьи посвящены концептуальным аспектам иеротопии в ее отношении к другим концептам гуманитарного знания, то частные исследования А.М. Лидова демонстрируют иеротопический подход в анализе конкретных феноменов византийской культуры.

Итак, согласно А.М. Лидову, “иеротопия – это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества” (т. 1, с. 10). Сакральное «пространство не может быть представлено как сколь угодно сложный синтез артефактов, поскольку имеет принципиально иную порождающую матрицу. Иеротопический подход позволяет выявить эту матрицу, определявшую структурный замысел конкретного пространства, которому были соподчинены все видимые, слышимые и осязаемые формы. Важно осознать, что практически все предметы религиозного искусства изначально задумывались как конституирующие элементы “иеротопического проекта”, включенные во взаимосвязанную структуру особого сакрального пространства» (т. 1, с. 12–13).

А.М. Лидов постулирует междисциплинарную природу иеротопического подхода: “иеротопию невозможно свести только к миру художественных образов, как и к совокупности материальных предметов, организующих сакральную среду, или к описанию ритуалов и социальных механизмов, их определяющих. Обряд в иеротопических проектах играет значимую роль, но не менее важными представляются и собственно художественная и богословско-литургическая составляющие” (т. 1, с. 12).

Конечно, отмечает А.М. Лидов, “нельзя сказать, что проблематика сакрального пространства в науке не обсуждалась: различные аспекты темы затрагиваются религиоведением, философией, культурологией, искусствоведением, археологией, этнологией, фольклористикой, филологией”, однако они не рассматривали сам процесс и сами приемы создания сакрального пространства “как самодостаточное целое”, как особый предмет для научного исследования (т. 1, с. 13). Ибо “позитивистское восприятие артефактов как самоценной и единственной данности” не позволяет распознать специфичность того сакрального пространства, которое они конституируют (т. 1, с. 22).

Более того, иеротопический подход ясно противопоставляется традиционной позитивистской классификации знания, в рамках которой некоторые “формы творчества не получили своего места в науке и практически не описывались” (т. 1, с. 12), а в частности, “создание сакральных пространств... не было увидено и осмыслено как самостоятельное явление и, соответственно, не было включено в культурный и научный контекст новоевропейской цивилизации” (т. 1, с. 11). Ниже автор поясняет: “В основе позитивистского универсума лежит сам предмет, вокруг которого

выстраивается весь процесс исследования, как бы далеко в разные стороны от этого предмета мы не отходили. Однако сейчас становится все более ясным, что центром универсума в представлениях носителей древней и средневековой религиозной традиции было невещественное и одновременно реально существующее пространство, вокруг которого выстраивался мир предметов, звуков, запахов и иных эффектов. Иеротопический подход позволяет увидеть художественные объекты в контексте другой модели мира и прочесть их по-новому” (т. 1, с. 14).

Другими словами, иеротопия понимается автором как специфический комплекс творческих практик, порождающих сакральное пространство, исследование которого непременно предполагает соединение усилий различных отраслей гуманитарного знания. Если феномен сакрального пространства хорошо известен и давно изучается в науке, то иеротопический подход фокусируется преимущественно на *механизмах* формирования сакрального пространства. “Речь идет не о феноменологии священного и не о мистическом откровении, а о вполне конкретной деятельности по созданию пространственных образов и среды общения человека с высшим миром” (т. 2, с. 6). Создание сакральных пространств рассматривается А.М. Лидовым “как особый вид творчества, сравнимый по значению с творчеством литературным, изобразительным или музыкальным” (т. 2, с. 6).

В статье “Пространственные иконы” в первом томе сборника А.М. Лидов обращается к одному из самых замечательных феноменов византийской религиозности – чудотворному действу с Одигитрией Константинопольской. По вторникам весьма тяжелая икона Одигитрии выносилась на площадь перед монастырем Одигон одним из ее “служителей” (представителем особой семьи, имевшей исключительный доступ к иконе для реализации этого чуда), который поднимал тяжелейшую икону как пушинку и начинал круговое движение по площади. На этом действо не заканчивалось – икону в процессии несли через весь город к Влахернам. Автор, подчеркивающий перформативный аспект феномена, предлагает рассматривать действо на площади как “пространственную икону”, смысл которой отсылал к центральному эпизоду чудесного спасения Константинополя от аварской осады 626 г. Предположение убедительно подкрепляется анализом ключевого текста – проповедью Феодора Синкелла 627 г., дающего многие параллели “сценарию” чудесного действия с иконой. По мысли автора, пространственная икона, реализуемая действием, возникла не ранее XII в. Приводятся схожие действия с иконами Богородицы в разных частях византийского мира и в Италии. Таким образом, как подчеркивает автор, наряду с иконописцами можно выделить и особой разряд людей, “создателей сакральных пространств”, которые “мыслили теми же иконными образами, [но] только представленными в пространстве”. История византийской визуальной культуры не может быть сведена к артефактам. В ней должно найтись место и для особого типа художественного творчества, содержанием которого являлось создание пространственных образов, “включавших в себя помимо обрядовой и изобразительной составляющей, ... драматургию света, организацию запахов, звуковой контекст”².

В другом частном исследовании “Святой Лик – Святое Письмо – Святые Врата” из второго тома сборника, автор выдвигает идею “образа-парадигмы” – некоего видимого образа, не предполагавшего какое-либо изображение на плоскости, однако возникавшего в сознании зрителя как узнаваемый, хотя и принципиально не формализованный иконический образ. Анализируя широкий круг как письменных источ-

² К списку упомянутых исследований о чуде Одигитрии следует добавить новейшую работу, содержащую исчерпывающее обсуждение византийских письменных источников феномена. См.: *Барбанов Н.Д.* Культ иконы Одигитрии в Константинополе в аспекте византийского народного благочестия // *Море и берега. К 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников* / Ред. Р.М. Шукуров. М., 2009. С. 241–258.

ников, так и артефактов, автор обсуждает образ-парадигму града Эдессы, возникавший у средневекового человека при входе в христианские сакральные пространства и сплававший в одно целое представления о Нерукотворном Образе Христа, Его Письме царю Авгарю и Святых Вратах Эдессы.

Проделанные А.М. Лидовым частные исследования не оставляют сомнений в том, что за пределами и, так сказать, “помимо” артефактов византийцы видели некие умопостигаемые, часто (но не всегда) визуальные феномены, не сводимые к простой сумме тех объектов, которыми эти феномены конституированы. Несомненная заслуга ученого заключается в том, что впервые в византийстике он привлекает внимание к этим феноменам и предпринимает описание механизмов их формирования.

Поддерживая справедливое стремление А.М. Лидова пересмотреть традиционные подходы к исследованию культуры, следует все же отметить, что, на наш взгляд, слово “иеротопия”, возможно, было бы более удобным для обозначения именно самого механизма “создания сакрального пространства”, но не для научного подхода, изучающего эти механизмы. Хотя нельзя не отметить и некую шероховатость этого термина: греч. *~τοπία* в современных двусоставных терминах как правило указывает на *место*, но не на некое *действие* по отношению к месту (ср. “утопия”, “а-топия”, “гетеротопия”). Если все же пользоваться “иеротопией” в смысле “создания”, то для исследовательского подхода предпочтительно использовать описательную конструкцию “иеротопический подход”, или лингвистически более точный, но тяжеловесный термин “иеротопология”, или же, наконец, более удобопроизносимое “иеротопика”. Иначе при использовании термина “иеротопия” возникает определенная двусмысленность: не ясно, что имеется в виду в каждом конкретном случае его употребления – само конструирование пространства или же модус научной рефлексии на это. Как представляется, категориальная проработка идеи, выдвигаемой автором, может быть продолжена.

Обсуждаемые сборники содержат широкий спектр подходов к изучению общих и специфических механизмов создания сакральных пространств в разных культурах и в разные эпохи. Причем, если первая книга концентрируется на византийской и древнерусской проблематике, то второй том содержит сравнительные исследования с выходом за пределы христианского круга культур, а хронологически – далеко за пределы средневековья.

Центральное место в первом томе сборника занимает византийская культура; его вторая часть посвящена русскому искусству. Особо следует отметить исследования Николетты Исар и Б.А. Успенского, поставивших проблему перформативности в создании сакральных пространств, а также Питера Брауна и М.В. Рождественской, которые реконструируют средства, служившие для формирования сакральных пространств в литературном тексте.

Сакральная топография и география (как воображаемая, так и реальная) подвергнуты анализу в исследованиях М.В. Бибикова, Роберта Остерхута, А.Е. Мусина.

Византийский монастырь как особый тип сакрального пространства рассмотрен в работах Николая Бакирциса, Светланы Попович и Н.Е. Гайдукова.

Слободан Чурнич, Евангелия Хаджитрифонос, Ида Синкевич, Янис Вармис, Франческа Дель Аква, Вл.В. Седов концентрировали свои усилия на различных аспектах формирования храмового пространства. Микеле Баччи, Аннемари Вейль Карр, Наталья Тетерятникова, Элка Бакалова, Анна Лазарова исследует функцию реликвии. Икона как элемент сакрального пространства рассматриваются в работах И.А. Стерлиговой и Л.М. Евсеевой. Различным типам сакральных пространств и специфическим приемам сакрализации посвящены исследования М.Н. Бутырского, Т.Е. Самойловой, Г.В. Сидоренко, С.В. Гнутовой, К.А. Щедриной, С.Л. Яворской, А.Г. Мельника.

Второй том сборника включает в себя работы, опробовавшие иеротопические подходы на широком тематическом материале от культуры Древнего Египта до новейшего искусства, включая и русскую классическую литературу XIX в. Так, М.А. Чегодаев исследует иеротопию древнеегипетского саркофага, Л.И. Акимов и А.В. Подосинов рассматривают античную сакральность. Сакральное в европейском искусстве раннего Нового времени анализируется в статьях Томаса Дейла, Джейн Гарнет, Джервейс Россер, М.Н. Соколова. П.Р. Гамзатова определяет восточный ковер как средство создания сакрального пространства. Византийская проблематика не обойдена и во втором томе сборника, которой посвящены статьи Маргарет Баркер, Жаклин Тюрк. Различные формы сакрализации пространства в культуре Нового времени и современности исследуются в статьях Франческо Пеллици, А.Б. Мороза, Л.А. Беляева, Е.И. Кириченко, Ксаны Бланк, Николетты Исар.

Концептуальный импульс, данный А.М. Лидовым, подвигнул участников проекта не только развивать феноменологическое описание сакрального (что, само собой, не ново для науки), но скорее сконцентрировать усилия на углубленном анализе путей и средств его формирования. Это, несомненно, обновляет традиционную методологию, позволяя обнаружить новые сюжеты и ракурсы, ранее ускользавшие от внимания исследователей.

Двухтомник благодаря своему тематическому охвату и методологическому богатству представляет собой заметное явление в отечественной науке. Важно отметить международный характер воплощенного в сборнике проекта: в нем участвуют ведущие авторы из России, Западной Европы и США, работы некоторых из этих исследователей открыли целую эпоху в современной науке. Столь широкое участие иностранных и отечественных коллег в проектах А.М. Лидова, с одной стороны, дает лишнее подтверждение интернациональности подлинной науки, ее чуждости какой бы то ни было языковой, культурной и иной фрагментированности, а с другой – несомненно свидетельствует о высоком престиже отечественного гуманитарного знания, способного генерировать принципиально новые подходы, открывать новые исследовательские горизонты.

Р.М. Шукуров

The Occult Sciences in Byzantium / Ed. P. Magdalino, M. Mavroudi. Geneva, 2006. 468 p.

Рецензируемый сборник статей под редакцией Пола Магдалино и Марии Мавруди представляет собой материалы коллоквиума, посвященного оккультным наукам в Византии, который проходил в ноябре 2003 г. в центре византийских исследований Dumbarton Oaks в Вашингтоне. Изучение оккультных наук (астрологии, алхимии, нумерологии) было распространенным явлением среди византийских интеллектуалов. Достаточно вспомнить Иоанна Грамматика, Михаила Пселла, Мануила Палеолога, Никифора Григору, Георгия Трапезундского.

Для образованных византийцев оккультные науки были тесно связаны как с античным философским наследием, так и с восточной интеллектуальной традицией. Но каким образом интерес к оккультному уживался с православной доктриной и с официальным запретом на использование магии? Какое место отводили сами византийцы оккультному знанию?¹ На эти вопросы и попытались ответить участники коллоквиума.

¹ Особое внимание этому вопросу уделено в недавно вышедшей монографии: *Magdalino P. L'orthodoxie des astrologues. La science entre le dogme et la divination a Byzance (VIIe-XIVe siècles)* // *Réalités Byzantines*. P., 2006. 12.